ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

КОНЕЦ СВЕТА.

ХРОНИКА.

ПУТЬ НА АЛЯСКУ.

Если старый мир умер,
то кто-то должен занять его место.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Конец света. Хроника.

Евгений Щёлоков

Конец света. Хроника. Путь на Аляску.

«Автор»
2026

Щёлоков Е.

Конец света. Хроника. Путь на Аляску. / Е. Щёлоков — «Автор», 2026 — (Конец света. Хроника.)

Второй том серии "Конец света. Хроника". Главный герой во главе отряда направляется в далёкое путешествие, что бы попытаться найти ответ на главный вопрос: "Почему и где всё началось?", но находит совсем не то что хочет.

© Щёлоков Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ТОМ 2. 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСКОЛКИ МИРА 6
Глава 1. "После конца" 7
Глава 2. "Периметры" 12
Глава 3. «Человек без дома» 16
Глава 4. «Возрождение» 21
Глава 5. «Три правды» 27
Глава 6. "Задание" 31
Глава 7. "Анна" 35
Глава 8. "Максим" 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Конец света. Хроника. Путь на Аляску.

ТОМ 2.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСКОЛКИ МИРА

Глава 1. "После конца"

Конец света оказался не событием. Не вспышкой. Не ударом с неба.

Не красивым грибом атомного взрыва над горизонтом, после которого человечество могло бы хотя бы честно сказать: «ну всё, доигрались».

Нет.

Конец света был сменой привычного графика.

Подъём в шесть ноль-ноль. Проверка браслетов. Раздача пайка. Санитарная обработка. Патруль. Доклад. Трупы. Обед. Снова трупы. Отбой, если повезёт. Если не повезёт — тревога. Если совсем не повезёт — голос твоего мёртвого сына, который просит открыть дверь.

Новосибирский периметр Н-1 стоял в снегу, бетоне и постоянной усталости. Снаружи его окружали три линии обороны: рвы, минные поля, вышки, прожекторы, натянутая проволока, автоматические турели и люди, которые уже не верили ни во что, кроме исправного затвора.

Внутри он был городом.

Снаружи — крепостью.

На деле — большой коробкой, куда сложили всё, что ещё не успело сгнить, сгореть или заговорить чужими голосами.

Владимир Ветров стоял у северного шлюза и курил без сигареты. Сигареты закончились месяц назад. Привычка осталась.

Он держал между пальцами пустой воздух и смотрел на белую темноту за прожекторами. Там, за внешним кольцом, снег казался нетронутым. Ровным. Чистым.

Ветров знал: чистый снег бывает только сверху. Под ним могли лежать мёртвые. Под ним могли спать заражённые. Под ним могли ползти корни. Под ним могло ждать что угодно, кроме хороших новостей.

Рядом переминался молодой боец по фамилии Шумейко. Девятнадцать лет. Щёки ещё подростковые, глаза уже старика. На карабине — свежие царапины, на бронежилете — детская наклейка с динозавром. Кто-то прилепил в шутку. Шумейко не снял.

— Товарищ Ветров, — тихо сказал он.

Шумейко сглотнул.

— Там опять.

Ветров не повернул головы.

— Сектор?

— Северо-запад. У старой насосной.

Из динамика на столбе треснул голос дежурного:

— Пост Н-1/С-4, подтвердите визуальный контакт.

Старший на вышке ответил:

— Визуальный есть. Объект один. Человекообразный. Стоит на границе света.

— Поведение?

— Не атакует. Машет рукой.

— Мимикрия?

Пауза.

Потом голос на вышке стал ниже:

— Голос ребёнка.

Шумейко побледнел.

Ветров взял карабин.

— Пошли.

Они прошли вдоль внутренней стены, потом через узкий переход между бетонными блоками. Под ногами хрустел снег, перемешанный с солью, пеплом и чем-то тёмным, что уже давно перестали отскребать.

На втором кольце стояли трое бойцов. Один держал прожектор, двое — оружие. Все смотрели в одну точку.

За рвом, у остатков насосной станции, стояло маленькое существо.

Слишком маленькое для взрослого.

Слишком неподвижное для ребёнка.

На нём была синяя куртка. Капюшон съехал набок. Рука поднималась и опускалась, медленно, будто игрушечная.

Из темноты донёсся голос:

— Дяденьки… откройте…

Шумейко резко вдохнул.

Ветров посмотрел на него.

— Узнал?

— Нет.

— Тогда не дыши так, будто узнал.

Голос повторил:

— Мне холодно… мама сказала, тут помогут…

Один из бойцов у стены пробормотал:

— Господи…

Ветров словно ударил его взглядом.

— Бога сюда не зови. Он давно забыл наш адрес.

Ребёнок за рвом сделал шаг вперёд. Прожектор выхватил лицо.

Детское. Бледное. Глаза большие. Губы синие.

Если смотреть не туда, куда надо, можно было поверить.

Поэтому Ветров смотрел туда, куда надо. На пальцы. Слишком длинные. На локти. Вывернутые не туда. На тень за спиной, которая шевелилась отдельно.

— Откройте, — попросил ребёнок. — Я хороший.

Шумейко сделал шаг к воротному пульту.

Ветров ударил его прикладом в грудь. Не сильно. Но достаточно, чтобы тот сел в снег.

— Ты совсем охренел?

— Он же…

— Что?

— Он ребёнок.

Ветров присел рядом.

Голос за рвом вдруг стал другим.

— Пап…

Шумейко замер. Ветров тоже. Не потому что голос был похож. Он был точный. Артём. Десять лет. Немного хриплый после простуды.

Тот самый оттенок, когда сын хотел выглядеть взрослым и не получалось.

— Пап, ты обещал…

На стене перестали дышать. Ветров медленно поднялся.

Шумейко смотрел на него снизу вверх — с ужасом, жалостью и надеждой. Наверное, ждал, что взрослый человек сейчас объяснит, как жить дальше, если мёртвые дети умеют говорить из темноты.

Ветров не объяснил. Он поднял карабин.

— Объект с мимикрией. Ликвидация.

— Ветров, — сказал кто-то сзади. — Может, взять живым? Для лаборатории?

Ветров не обернулся.

— Пусть лаборатория сама выходит его ловить.

Голос Артёма стал тише:

— Папа…

Ветров выстрелил. Один раз. Потом второй. Потом третий — уже когда тело падало и из детской куртки вывернулась чёрная, влажная масса, похожая на пучок жил.

За рвом завизжало. Не ребёнком. Не человеком.

Прожектора качнулись. Бойцы открыли огонь.

Тварь дернулась, выгнулась, распалась на несколько частей и поползла обратно в темноту. Там её накрыл огнемёт с вышки. Снег вспыхнул оранжевым, потом зелёным, потом чёрным.

Ветров опустил карабин. Шумейко всё ещё сидел в снегу.

— Он просил помощи, — сказал он.

Ветров посмотрел на дымящееся пятно за рвом.

— Они всегда просят то, что ты не сможешь не дать.

Шумейко поднял глаза.

— А если там когда-нибудь будет настоящий?

Ветров не сразу ответил.

Потому что этот вопрос оставался единственным, на который у них не было инструкции.

На внутренней стене сирена дала короткий сигнал отбоя. Периметр снова стал городом, где-то запускали дизель-генератор, где-то ругались из-за воды, где-то чей-то ребёнок плакал во сне.

Жизнь продолжалась так упрямо, будто не понимала намёков.

Ветров вернулся к северному посту, сдал оружие на проверку, расписался в журнале и снова достал из кармана несуществующую сигарету.

Между пальцами дрожал воздух. Он сжал кулак. В кармане куртки лежали остановившиеся часы Артёма. Они показывали одно и то же время уже три месяца.

Ветров не заводил их.

Потому что не знал, имеет ли право.

Глава 2. "Периметры"

Раньше карты мира висели в школах. Цветные, большие, с океанами, границами, столицами и странной уверенностью взрослых, что всё это навсегда. Теперь карта мира висела в бункере штаба проекта «Возрождение» и выглядела как медицинский снимок опухоли.

Красные зоны.

Чёрные зоны.

Серые зоны.

Зелёных почти не осталось. Зелёный цвет на карте теперь означал не жизнь, а «пока там все не сдохли окончательно».

В штабе пахло озоном, мокрой формой, кофе из желудей и страхом, который давно перестал быть эмоцией и стал частью самого воздуха.

Генерал Стеблов стоял у экрана и смотрел на обновлённую сводку.

Он был невысоким, сухим, с лицом человека, которому жизнь регулярно приносила плохие новости, а он из упрямства продолжал подписывать их как рабочие документы.

— Северное побережье потеряно полностью, — сказал дежурный аналитик. — Не подтверждено только два узла связи, но они молчат девять суток.

— Значит, потеряны, — сказал Стеблов.

— Формально.

— Формально мы все ещё великая нация. Продолжайте.

Аналитик сглотнул.

— Китай удерживает внутренние промышленные районы, но южные санитарные линии прорваны. Индия дробится на автономные кластеры. Европа закрывает альпийские и карпатские зоны, но миграционные коридоры заражены. США держат центральные штаты, восточное и западное побережья фактически списаны. Канада ушла в северные и внутренние базы.

На карте мигали точки. Каждая точка была городом или тем, что раньше им было.

Стеблов повернулся к Анне Ковалёвой.

— Доктор?

Анна сидела за столом, перед ней лежали планшеты, распечатки, пробирки в переносном контейнере и кружка, к которой она не прикасалась. Ей было немного за тридцать, но усталость

сделала возраст неточным. Лицо узкое, глаза внимательные, волосы собраны в хвост. На халате поверх термокуртки — нашивка проекта:

ВОЗРОЖДЕНИЕ. БИОЛОГИЧЕСКИЙ БЛОК.

— Стратегия периметров проваливается, — сказала она.

В комнате стало тише.

Офицер связи фыркнул:

— Очень вдохновляюще, доктор.

Анна даже не посмотрела на него.

— Я не занимаюсь вдохновением. Для этого у нас есть громкоговорители и пропаганда.

Стеблов усмехнулся краем губ.

— Продолжайте.

Анна вывела на экран схему заражения.

— Первые месяцы мы считали основную угрозу массовой: орды, крупные миграции заражённых, прорывы через внешние кольца. Это было верно для ранних штаммов. Сейчас картина другая. Мутавирус перестал ломиться в стены. Он ищет щели.

На экране появились фотографии: крыса с раздутым позвоночником; корни в тепличном блоке; мужчина с зелёным браслетом, у которого под кожей лица видны чёрные нити; мешок зерна, внутри которого проросла мясная ткань.

— Вода, пищевые цепочки, мелкие животные, споровая пыль, латентные носители, мимикрия поведения. Он не штурмует крепость. Он становится её частью.

— Вы говорите о вирусе так, будто он разумен, — сказал полковник из охраны.

— Нет, — ответила Анна. — Я говорю так, будто он достаточно смертоносен, чтобы нам было всё равно, разумен он или нет.

Ветров стоял у двери. Формально — охрана совещания. Фактически — человек, которого позвали послушать собственный приговор заранее.

Он не любил штабы. В штабах люди говорили правильными словами о вещах, которые снаружи пахли горелым мясом и детским страхом.

Стеблов кивнул на карту.

— Сигнал с Аляски.

Оператор включил запись. Сначала был шум. Потом треск.

Потом английская речь, рваная, как бинт после боя:

— …primary matrix… not dead… repeat… source intact… coordinates corrupted… Alaska station… if anyone receives…

Шум.

Потом короткий писк.

Потом русское слово, произнесённое автоматическим переводчиком:

— «ИСТОЧНИК».

Запись оборвалась.

В комнате никто не пошевелился. Ветров посмотрел на экран.

Аляска.

Место, где всё началось. Или место, где люди впервые поняли, что начало уже случилось.

Стеблов выключил запись.

— Сигнал повторялся восемь раз. Потом исчез. Канал старый, через канадский ретранслятор. Вероятность подделки?

Максим Лебедев, сидевший у аппаратуры, поднял руку.

— Если это подделка, то очень дорогая и технически безумная. Обычно ловушки звучат как «помогите, нас тут много вкусных и без охраны». А тут — архивный протокол, повреждённые координаты и такая криптография, что я три часа плакал над клавиатурой.

Стеблов посмотрел на него.

— Короче.

— Скорее всего, настоящее.

— Спасибо.

Максим откинулся на спинку стула.

— Всегда пожалуйста. Если нужно перевести ещё что-нибудь с технического на «нам всем конец», обращайтесь.

Анна включила следующий файл.

— По нашим данным, первичная исследовательская группа на Аляске работала с материалом, найденным в вечной мерзлоте. Официально — древний патоген. Неофициально — структура неизвестной природы. Если там сохранились первичные образцы, мы можем сравнить их с нынешними штаммами.

— И получить что? — спросил полковник.

— Понимание механизма изменений. Возможно — основу антиштамма.

Слово прозвучало слишком громко.

«Антиштамм».

В комнате оно повисло так, будто кто-то сказал про «воскрешение Христово».

Стеблов посмотрел на всех по очереди.

— Нужна полевая группа. Маленькая. Быстрая. С биологом, связистом, охраной и человеком, который уже проходил заражённые зоны.

Ветров не двигался. Но все равно почувствовал, как несколько взглядов легли ему на спину.

Стеблов повернулся к нему.

— Ветров.

— Я охраняю дверь.

— Пока да.

— Хорошая дверь. Не зовёт пойти на Аляску.

Максим тихо хмыкнул.

Стеблов подошёл ближе.

— После совещания останетесь.

Ветров посмотрел на карту. На красные пятна. На мигающую точку Аляски. На слово **SOURCE**, застывшее в углу экрана. И подумал, что у конца света отвратительное чувство юмора.

Сначала он забрал у человека дом. Потом семью. Потом дал работу.

Глава 3. «Человек без дома»

Комната Ветрова была рассчитана на двоих. Жил он один. Не потому что заслужил отдельное жильё. Потому что никто не хотел спать рядом с человеком, который ночью мог проснуться и начать целиться в угол, где ему показался голос.

Комната находилась в бывшем административном корпусе. Стены — облезлая краска. Окно заложено мешками с песком. Железная кровать. Стол. Табурет. Полка.

На полке лежали вещи, которые могли бы поместиться в кармане в нормальной жизни: нож; фонарик; письмо Лены; остановившиеся часы Артёма; фотография, которую Ветров почти никогда не переворачивал лицом вверх.

Он снял куртку, повесил карабин на крюк и сел на кровать.

Тишина была плохая. Хорошая тишина бывает дома, когда все спят. Плохая — в комнате, где некому шуметь.

Ветров достал часы.

Металл потемнел от времени и рук. Стрелки стояли. Паша пару раз говорил, что может починить. Ветров отказывался.

Потом Паша перестал предлагать.

Иногда это и называлось дружбой — вовремя перестать предлагать чинить то, что человек ещё не готов отдавать в ремонт.

В дверь постучали.

— Если ты умер, постучи два раза, — сказал Паша снаружи.

— Иди к чёрту.

— Значит, жив. Жаль, я уже почти унаследовал твой табурет.

Дверь открылась.

Паша вошёл с двумя мисками и лицом человека, который несёт не еду, а проводит дипломатическую миссию.

— Ужин, — объявил он. — Сегодня у нас каша с намёком на мясо.

— Это как?

— Мяса нет, но повар рядом проходил с тушёнкой. Запах впитался.

Он поставил миску на стол и сел напротив.

Паша за последние месяцы похудел, оброс, стал похож на бывшего офисного человека, которого конец света насильно повысил до специалиста по выживанию. Но глаза у него остались живые. Упрямо живые. Иногда раздражающе живые.

— Тебя вызвали? — спросил он.

— Ты уже знаешь?

— Конечно. Я заместитель министра по канализации, у меня разведсеть в каждой трубе.

Ветров взял ложку.

— Мама всегда говорила мне: «Паша, из тебя выйдет толк». Не уточнила, правда, что в через сливную систему канализации.

Они ели молча. Каша была серой. На вкус тоже серой.

Паша первым нарушил тишину:

— Не ходи.

Ветров не поднял глаз.

— Куда?

— Не включай идиота. Это моя специализация, я начну ревновать.

— На Аляску?

— Нет, в художественную самодеятельность. Конечно, на Аляску.

Ветров ел.

Паша подался вперёд.

— Вова. Это не задание. Это красиво оформленная смерть. С картой, печатью и научным обоснованием.

— Всё когда-нибудь умирает.

— Великолепно. Запишу в сборник «Фразы, после которых хочется дать человеку лопатой по хребту».

Ветров отложил ложку.

— А если там шанс?

— Шанс на что?

— Понять.

— Ты хочешь понять вирус или хочешь найти того, кого можно наконец наказать за то что произошло с тобой?

В комнате стало холоднее.

Паша понял, что ударил точно, и пожалел.

Но не отступил.

— Ты думаешь, если дойдёшь туда где всё началось, станет легче?

— Нет.

— Тогда зачем?

Ветров долго смотрел на стол.

Потом сказал:

— Потому что Лена написала: если найдётся работа — делай.

Паша замолчал.

Имя Лены в комнате звучало как шаг по тонкому льду.

Ветров достал из кармана сложенный лист. Не развернул. Просто положил ладонь сверху.

— Смерть я уже нашёл, Паш. Просто она почему-то меня не забрала.

— Это не значит, что надо её догонять и кричать, что она, сука слепая, пропустила одного дебила.

— А я и не догоняю.

— Врёшь.

— Вру.

Паша потёр лицо руками.

— Знаешь, что самое обидное? Я понимаю, почему ты пойдёшь. И от этого хочется ударить не тебя, а вес этот сраный мир.

— Не советую. Мир крупнее меня и может дать сдачи.

— Зато я мелкий, мне удобнее бить по яйцам.

Ветров почти улыбнулся. Почти.

Паша заметил и тут же отвернулся, будто не хотел смущать редкое природное явление своим видом.

— Я могу попроситься с тобой, — сказал он.

— Нет.

— Даже не подумал.

— Подумал. И нет.

— Я не бесполезный.

— Ты очень громкий.

— Это часть пользы. Мутанты услышат меня заранее и умрут в муках от моих шуток.

— Паша.

— Ладно. Не берёшь. Понимаю. Кто-то должен здесь следить, чтобы человечество не утонуло в собственном говне.

Он встал.

У двери остановился.

— Если пойдёшь… не делай это ради того, что бы умереть.

Ветров не ответил.

Паша кивнул сам себе.

— Ясно. Опять разговариваю сам с собой.

Он вышел.

Ветров остался один. За стеной гудел генератор. Где-то в коридоре ругались медики.

Из громкоговорителя объявили ночной режим и запрет на перемещение между секторами.

Он развернул фотографию. Лена улыбалась. Артём щурился на солнце.

Владимир на снимке выглядел человеком, который ещё не знает, что однажды станет тем, кто дважды нажмёт на спуск.

Он долго смотрел. Потом перевернул фото изображением вниз. Не потому что хотел забыть.

Потому что помнил слишком хорошо.

Глава 4. «Возрождение»

Проект «Возрождение» занимал шесть корпусов бывшего научного центра, два подземных уровня, три склада, отдельную электроподстанцию.

На входе в лабораторный блок стояли двое охранников в тяжёлых костюмах.

На двери — табличка:

«БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЕКТОР.
ДОСТУП ПО ПРОПУСКАМ.
ПРИ ЗВУКОВЫХ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯХ НЕ ВХОДИТЬ».

Ветров прочитал и спросил:

— А если галлюцинации письменные?

Анна Ковалёва приложила карту к сканеру.

— Тогда вам к психиатру. Но он умер.

Дверь открылась.

Изнутри пахнуло спиртом, холодом и чем-то сладковатым.

Ветров ненавидел этот запах. Он был у Лены на руках в последние дни.

Анна шла впереди быстро, не оглядываясь.

— Мы не единая организация, — говорила она. — Скорее остатки нескольких систем, которые не успели окончательно сдохнуть. Военные дают охрану и логистику. Инженеры — энергию. Медики — протоколы. Биологи — попытку не выглядеть обезьянами перед тем, что нас уничтожает.

— Скромно.

— Скромность умерла на втором месяце эпидемии. Её место заняла статистика.

Они прошли мимо стеклянных камер.

В первой лежали растения. Или то, что раньше было растениями. Корни сплетались в узлы, похожие на мышцы. Листья слегка поворачивались вслед за людьми.

Во второй в контейнере плавала серая ткань. Она медленно сокращалась, как сердце, которому не нужен был хозяин.

В третьей сидела собака.

На первый взгляд — обычная. Чёрная, худощавая, с умными глазами.

Потом она открыла пасть. Внутри было слишком много зубов.

Анна остановилась.

— Сектор адаптивных форм. Животные реагируют быстрее людей. Через них мы видим направление мутаций.

— И что вы видите?

— Что нам надо молиться, чтобы они не научились открывать двери.

Собака повернула голову к Ветрову.

И тихо сказала голосом Паши:

— Ну что, смертник, скучал?

Ветров поднял оружие раньше, чем успел подумать.

Анна ударила по стволу вниз.

— Не стрелять.

— Оно говорит.

— Оно повторяет.

Собака снова открыла пасть.

Теперь голос был Лены.

— Вова…

Мир сузился до стекла. До этого голоса.

До руки на карабине.

— Вова, не уходи…

Анна встала между ним и камерой.

— Смотрите на меня.

Ветров не смотрел.

— Это не она.

— Я знаю.

— Нет. Сейчас вы не знаете. Сейчас ваш мозг пытается утонуть в воспоминаниях.

Он медленно перевёл взгляд на Анну.

Она стояла близко.

Слишком близко к человеку с оружием и плохими воспоминаниями.

— Оно вытягивает голос из вашей реакции, — сказала она. — Не из воздуха. Из микродвижений, пульса, зрачков, дыхания. Чем сильнее вы реагируете, тем точнее оно становится.

— Замечательно. Теперь даже боль не осталась конфиденциальной.

— Ничего не осталось конфиденциальным.

Собака за стеклом заскулила.

Голос Артёма:

— Пап, ты обещал…

Ветров закрыл глаза.

Анна тихо сказала:

— Если мы отвернёмся от того, что нам больно видеть, оно придёт за теми, кто ещё жив.

Он открыл глаза.

— Вы это на стене напишите. Рядом с «не кормить экспонаты».

— Я не издеваюсь.

— А я да. Иначе начну стрелять.

Анна кивнула. Не осудила. Это раздражало Ветрова. Они пошли дальше.

В центральной лаборатории работали люди. Уставшие, серые, злые. Кто-то смотрел в микроскоп. Кто-то ругался над центрифугой. Кто-то спал прямо за столом, положив голову рядом с контейнером «ОПАСНО: СПОРОВАЯ АКТИВНОСТЬ».

— Хорошее соседство, — сказал Ветров.

— Его жена в красной зоне. Он работает по восемнадцать часов, чтобы не думать об этом.

— Помогает?

— Нет. Но голова и руки хотя бы заняты.

Анна остановилась у большой доски.

На ней были схемы:

«СПОРОВЫЙ ЦИКЛ»

«МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ»

«НЕЙРОКОГНИТИВНАЯ МИМИКРИЯ»

«АНТИШТАММ — ГИПОТЕЗА»

Ветров задержался на последнем слове.

— Это реально?

— Пока нет.

— А если честно?

— Если бы было реально, я бы спала спокойнее. Вернее я бы тогда вообще хотя бы спала.

Она включила экран. Появилось изображение Аляски.

— Нам нужны первичные образцы. Современные штаммы слишком изменены. Мы видим последствия, но не механизм запуска. Если на Аляске сохранилась исходная матрица, мы сможем понять, что именно переписывает биологию.

— И выключить?

— Возможно, замедлить. Нарушить цикл. Создать конкурентный штамм. Найти уязвимость. Или понять, что всё бессмысленно.

— Оптимистично.

— Оптимизм — это когда человек прыгает с крыши и до третьего этажа считает, что полёт нормальный.

Ветров посмотрел на неё внимательнее.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто режете скальпелем и людей, и фразы.

Анна помолчала.

— Люди, которые говорят мягко, часто делают больнее.

Он не ответил.

В этот момент за их спинами кто-то ударил в стекло. Сильно. Ветров развернулся.

В дальней камере стоял человек. Точнее, тело человека.

Голое, серое, с почерневшими венами. Руки длиннее нормы. Грудная клетка двигалась неправильно. Лицо почти сохранилось. Именно это было страшнее всего.

Почти человек всегда страшнее чудовища. Существо прижалось лбом к стеклу.

И голосом Артёма прошептало:

— Пап, почему ты живой?

Ветров сделал шаг.

Анна схватила его за рукав.

— Нет.

Он не двигался.

Существо улыбнулось.

— Я же умер. А ты нет.

Ветров медленно снял её руку со своего рукава.

— Вы хотите, чтобы я пошёл с вами на Аляску?

— Да.

— Тогда никогда больше не приводите меня сюда без предупреждения.

— Хорошо.

— И если эта дрянь ещё раз заговорит его голосом…

— Она заговорит.

— Тогда я разобью стекло.

Анна посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда я вас застрелю раньше, чем вы откроете камеру.

Пауза.

За стеклом существо улыбалось. Ветров вдруг понял: Анна не угрожает. Она сообщает протокол.

И именно поэтому ей можно было верить.

— Договорились, — сказал он.

Глава 5. «Три правды»

На следующий день Ветрову показали, что осталось от человечества.

Не всё. Только презентацию. Но иногда презентация хуже бойни: в бойне хотя бы честно пахнет смертью.

В штабе собрались Стеблов, Анна, несколько офицеров, связисты, представители медицинского блока и люди, которым ещё доверяли. Ветров сидел у стены, как приглашённый.

На экране появилась эмблема проекта «Возрождение».

Стилизованный росток внутри круга.

Паша, если бы был рядом, сказал бы, что росток подозрительно похож на плесень.

Стеблов начал без вступлений:

— После распада единого управления возникли три основные силы, с которыми экспедиция может столкнуться. Первая — мы.

— Уже пугает, — тихо сказал Максим.

Анна даже не повернула головы:

— Лебедев!

— Молчу.

Стеблов продолжил:

— «Возрождение» удерживает научные и инфраструктурные узлы. Наша задача — сохранить возможность будущего. Не победить любой ценой. Не вернуть старый мир к его прежнему состоянию, а сохранить возможность для человечества когда-нибудь восстать из пепла и не начинать заново с изобретения колеса.

На экране появились фотографии: люди чинят ЛЭП; медики в изоляторе; дети в учебном классе; бойцы у стены; лаборатория с мутировавшими образцами.

— Наша слабость, — сказал Стеблов, — мы всё ещё пытаемся быть системой в мире, который системы жрёт на завтрак.

Кто-то из офицеров поморщился.

Стеблов заметил.

— Да, майор, именно жрёт. Если хотите, напишите в протокол «поглощает». Смысл не изменится.

Следующий слайд.

Белый круг. Внутри — чёрный факел.

— Вторая крупная сила — «Чистильщики». Военизированные группы, бывшие части армии, охранные структуры, добровольцы, фанатики. Идеология простая: всё заражённое уничтожить. Всё подозрительное уничтожить. Всё, что мешает уничтожать, тоже уничтожить.

На экране — сожжённый посёлок. Ряды тел. Белые повязки на рукавах вооружённых людей.

Ветров смотрел спокойно, но внутри что-то холодело.

— Их лозунг: «Чистая земля через очищающий огонь», — сказал Стеблов. — Они считают нас преступниками. По их мнению, изучение вируса помогает ему распространяться.

Анна тихо произнесла:

— А сжигание людей, конечно, препятствует.

Стеблов услышал, но не остановил.

— Командные структуры у них раздроблены. На восточном направлении активен майор Орлов. Опытный. Жёсткий. Переговоры возможны, но ненадёжны.

— То есть убьют, но сначала выслушают? — спросил Максим.

— Если повезёт, наоборот, — сказал Стеблов.

Следующий слайд.

Круг, проросший линиями.

— Третья сила — «Новый вид».

В комнате стало неприятно тихо.

На экране появились люди. Некоторые выглядели почти нормально. Некоторые — нет. Глаза с изменённой радужкой. Чёрные прожилки под кожей. У одного мужчины из плеча росла костяная пластина. Женщина держала ребёнка. У ребёнка были слишком длинные пальцы.

— Они принимают мутавирус как следующий этап эволюции, — сказала Анна. — Среди них есть носители с частично сохранённой когнитивной функцией. Они не всегда агрессивны. Иногда способны к диалогу. Иногда — к манипуляции. Иногда диалог и есть манипуляция.

Ветров спросил:

— Они заразны?

— Да.

— Тогда разговор короткий.

Анна посмотрела на него.

— Если мы будем стрелять во всё, что отличается от нас, мы быстро останемся одни. А потом выяснится, что и мы уже отличаемся.

— Красиво. Хотите проверить на себе?

Стеблов стукнул кулаком по столу.

— Хватит.

На экране включили запись.

Женщина с изменёнными глазами сидела перед камерой. Руки связаны. Лицо спокойное.

— Вы думаете, что умираете, — говорила она. — Нет. Вы становитесь больше. Болезнь — это слово старого тела. Страх — слово старого разума.

Голос у неё был мягкий. Убедительный. Почти ласковый.

— Мы не конец человечества. Мы его продолжение.

Запись оборвалась.

Максим почесал затылок.

— Ну, по уровню рекламы у них лучше, чем у нас. У нас: «сдайте кровь, получите пайку и, возможно, не умрёте». У них: «станьте больше и лючше». Маркетинг, мать его.

Ветров сказал:

— То есть одни хотят всех спасти, вторые — всех сжечь, третьи — всех заразить. Богатый выбор.

Стеблов посмотрел на него.

— Добро пожаловать в политику после конца света.

Ветров откинулся на спинку стула.

— А четвёртый вариант есть?

— Есть, — сказал генерал.

— Какой?

— Сдохнуть всем поодиночке.

Никто не засмеялся. иДаже Максим.

Глава 6. "Задание"

Стеблов вызвал Ветрова вечером.

В штабе было пусто. Только карта на стене продолжала светиться, показывая, как раковая опухоль вируса расползается по земле.

Генерал стоял у стола, на котором лежала папка.

Бумажная.

Ветров давно заметил: чем хуже становилась ситуация, тем чаще люди доставали бумагу. Видимо, человечество подсознательно верило, что проблемы уважают только печати и штамп «совершенно секретно».

— Садитесь, — сказал Стеблов.

— Постою.

— Как хотите.

Генерал открыл папку.

— Полевая экспедиция «Север». Цель — Аляскинский исследовательский район, координаты уточняются. Задачи: найти источник сигнала, забрать архивы, образцы первичной матрицы, персонал при наличии выживших. Вернуться.

— Последний пункт особенно смешной.

— Я старался, — ответил Стеблов невозмутимо.

Ветров посмотрел на карту.

— Почему я?

Стеблов не стал делать вид, что вопрос сложный.

— Вы прошли Владивосток, Хабаровск, Облучье, Сковородино, Читу. Вы видели ранние и поздние формы заражения. У вас армейский опыт. Вы устойчивы к мимикрии.

— Устойчив?

— Не ломаетесь сразу.

— Высокая оценка.

— Сейчас — да.

Ветров усмехнулся.

— Отправьте спецназ.

— Отправляли.

Пауза.

Стеблов достал планшет, включил видео.

Камера дрона летела над белым полем. Потом изображение задрожало. На земле — чёрные пятна, похожие на ожоги. Разбитый вездеход. Фигуры людей вокруг него.

Они стояли неподвижно. Потом все одновременно подняли головы к дрону.

Из динамика пошёл голос:

— Мама? Мамочка, я здесь…

Стеблов выключил запись.

— Вернулся один беспилотник. Без половины корпуса и с записью, где мёртвые люди разговаривали с ним по радио.

Ветров молчал.

— Нам нужен не герой, — сказал Стеблов. — Герои закончились первыми. Они красиво бежали вперёд и красиво умирали. Мне нужен человек, который дойдёт, даже если каждый шаг нужно будет делать через «не хочу».

— Я не командир.

— Станете полевым старшим.

— Я сказал: не командир.

Стеблов посмотрел устало.

— Ветров, мир рухнул. Слова можно выбирать разные, но суть от этого не изменится. Люди будут смотреть на вас, когда начнётся дерьмо.

— Пусть смотрят на Ковалёву.

— Ковалёва будет смотреть в микроскоп.

— На Максима.

— Лебедев будет чинить то, что вы сломаете.

— На вас.

— Я останусь здесь удерживать стену, которая и так только делает вид, что держится.

Ветров отвернулся.

За окном штаба виднелся внутренний двор. По нему шли люди с ящиками. Двое детей тащили санки с углём. Женщина в медицинском халате стояла у двери, закрыв лицо ладонью.

Жизнь.

Снова эта мерзкая, упрямая жизнь.

— Я никого не спас, — сказал Ветров.

Стеблов ответил не сразу.

— Никто не спас всех, кого должен был.

— Я не про всех.

— Я знаю.

Ветров повернулся.

— Если я пойду, это не ради проекта.

— Мне всё равно.

— Не ради человечества.

— Человечество обычно переоценивает свою привлекательность.

— И не потому, что верю в антиштамм.

Стеблов закрыл папку.

— А почему?

Ветров достал из кармана часы Артёма. Посмотрел на остановившиеся стрелки.

— Потому что если у этой дряни есть начало, я хочу посмотреть ему в лицо.

Генерал кивнул.

— Сутки на решение.

— Уже решил.

— Тогда сутки на то, чтобы передумать.

Ветров убрал часы.

— Не имею такой привычки.

Стеблов протянул папку.

— Добро пожаловать в экспедицию «Север».

Ветров не взял её сразу.

— Генерал.

— Да?

— Если я пойму, что образцы опаснее, чем полезнее, я их уничтожу.

Стеблов посмотрел ему прямо в глаза.

— Если поймёте — уничтожайте.

— Даже против приказа?

— Особенно против приказа. Приказы пишут люди, которые не всегда видят, как их выполняют.

Ветров взял папку.

Бумага оказалась тёплой от рук Стеблова.

Странно.

Приговоры тоже бывают тёплыми.

Глава 7. "Анна"

Анна Ковалёва не любила рассказывать о себе.

Люди, которые много рассказывают о себе после конца света, обычно либо ищут жалости, либо алиби.

Анне не нужно было ни то, ни другое.

Но у каждого человека есть прошлое.

Даже если он носит его, как повязку спрятанную под рукавом.

До мутавируса Анна работала с древними патогенами. Мерзлота, споры, устойчивые формы жизни, экстремальные среды, древние вирусы. Она занималась тем, что нормальные люди называли «гадость изо льда», а научные журналы — «перспективное направление».

Её муж, Илья, смеялся:

— Ты однажды откопаешь что-нибудь, что нас всех убьёт.

Она отвечала:

— Если откопаю, назову в твою честь.

Шутка оказалась плохой.

Но, к счастью для Ильи, убил его не вирус.

Его застрелили люди.

Третья неделя эвакуации. Блокпост под Томском. Температура у Ильи поднялась до тридцати восьми и двух. Обычная пневмония. Старый снимок лёгких. Документы. Объяснения.

Они слушали внимательно.

Потом майор с белой повязкой сказал:

— Рисковать нельзя.

Анна кричала. Доказывала. Показывала анализы.

Говорила слова, которые раньше работали: «протокол», «диагноз», «ответственность», «вы не имеете права».

Оказалось — имеют.

После выстрела майор сказал ей:

— Мы спасли многих.

Анна тогда впервые поняла, что чудовища не всегда рычат.

Иногда они говорят спокойным голосом и искренне верят, что делают добро.

С тех пор она ненавидела не только вирус. Невежество — тоже.

Владимир нашёл её в лаборатории за упаковкой полевого комплекта. Контейнеры для образцов. Портативный анализатор. Ампулы ингибиторов. Запас фильтров. Старый пистолет.

Он кивнул на оружие.

— Умеете?

— Стрелять? Да.

— В людей?

Анна закрыла кейс.

— Стрелять в людей все учатся быстро. Вопрос в том, кто потом может нормально спать.

— Вы спите?

— Только когда падаю без сил.

Он прислонился к двери.

— Стеблов сказал, вы против моей кандидатуры.

— Я сказала, что вы травмированы, нестабильны и склонны решать эмоциональные проблемы огневым контактом.

— Почти характеристика.

— Это и была характеристика.

— А теперь?

— Теперь вы всё ещё травмированы, нестабильны и склонны решать эмоциональные проблемы огневым контактом. Но других подходящих кандидатур нет.

— Приятно быть незаменимым мусором.

— Я не это сказала.

— Но подумали.

Анна посмотрела на него внимательно.

— Мне не нужен человек, который стреляет каждый раз, когда ему больно.

Ветров сделал шаг к ней.

— А мне не нужен человек, который называет мою боль биологическим материалом.

В лаборатории загудел холодильный блок.

Где-то за стеной щёлкнула система блокировки.

Анна медленно сняла перчатки.

— Вы думаете, мне всё равно?

— А это не так?.

— Вы хорошо прячетесь за грубостью. Но это не броня. Это ржавый забор.

— Лучше забор, чем стеклянная витрина.

— Через стекло хотя бы видно.

Он усмехнулся.

— Мы точно хорошая команда.

— Мы пока не команда.

— А что? — уже с интересом спросил Ветров.

— Рискованный эксперимент.

— Обычно такие эксперименты плохо заканчиваются.

— Только если плохо документировать.

На этот раз Ветров почти рассмеялся. Почти.

Анна заметила и, кажется, решила не добивать.

— Послушайте, — сказала она тише. — Я не собираюсь лечить вашу душу. У меня нет такой квалификации и времени. Но если мы идём к источнику, мне нужно знать, что вы будете выполнять задачу.

— А мне нужно знать, что если задача начнёт жрать людей, вы выберете людей.

Анна долго молчала.

— Не всегда можно спасти людей, уничтожив данные, — сказала она тихо.

— Не всегда можно спасти данные, сохранив человечность.

— Вы хотите простых ответов.

— Нет. Я хочу, чтобы Вы в сложных ответах не забывали, ради чего всё это делается.

Анна закрыла кейс.

— Тогда договоримся так. Если я начну видеть только образцы — вы меня остановите.

— А если я начну видеть только мёртвых?

— Я вас тоже.

Ветров протянул руку.

Анна посмотрела на неё, потом пожала.

Коротко. Жёстко. Без тепла. Но честно.

— Ковалёва, — сказала она.

— Ветров.

Руки разошлись.

Эксперимент начался.

Глава 8. "Максим"

Максим Лебедев появился на сборочном складе из-под броневика. Сначала из-под машины вылезли ноги. Потом гаечный ключ. Потом голос:

— Если это опять вы с приказом ускориться, передайте штабу, что техника это не женщина лёгкого поведения. Ей нельзя просто шлёпнуть по заднице, чтобы она завелась.

Ветров остановился.

Анна сухо сказала:

— Лебедев.

Максим стукнулся головой о днище.

— Блин! Анна Николаевна, надо же предупреждать, что вы материализуетесь. У меня сердце слабое, как аккумуляторы на этом ведре.

Он выкатился полностью.

Возраст — около двадцати семи. Худой. Нервный. Волосы торчат так, будто он стригся с помощью взрывпакета. На лице — мазут, под глазами — синяки, во взгляде — живой огонь человека, который ещё не решил, смеяться или окончательно сойти с ума.

— А это, значит, наш мрачный тяжёлый специалист по «если что — сначала стреляй»? — спросил Максим, глядя на Ветрова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.